

ГАЛИНА ГАНЕЕВА

РАЗМЫТЫЕ
АКВАРЕЛИ

ГАПИНА ГАНЕЕВА

**РАЗМЫТЫЕ
АКВАРЕЛИ**

КНИГА СТИХОВ

ХУДОЖНИК

НАТАЛЬЯ ШУНЬКОВА-ЕЛЕСИНА

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
образ
2019

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Г 19

Г 19 Ганеева, Галина Гавриловна

Размытые акварели: стихи / Галина Ганеева. — Москва: ОБРАЗ, 2019. — 164 с. — (Серия «Поэзия XXI века»).

ISBN 978-5-6041387-9-3

«Размытые акварели» — дебютная книга избранной лирики Галины Ганеевой. Поэтический мир автора затейливо освещён «магическим кристаллом» большого искусства. Музыка, живопись, литература — тут всё взаимосвязано и неразрывно. «На футах Баха свет устроен», а музыка Бетховена рисует в памяти гранатовый браслет из хрестоматийной повести Александра Куприна.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Возрастная категория: 18+

(в соответствии с ФЗ от 29.12.2010 № 436-ФЗ)

ISBN 978-5-6041387-9-3

ВСЕ ПРАВА ЗАЩИЩЕНЫ

© Галина Ганеева, стихи, 2019
© Эдуард Побужанский, пред., 2019
© ОБРАЗ, оформление, 2019

НЕБО, ЛЮБОВЬ И ТАЛАНТ

КОГДА В ИЗДАТЕЛЬСТВО поступает рукопись автора талантливой, не юной, но совершенно неизвестной, я испытываю двойные чувства. С одной стороны, приятно оказаться в роли открывателя нового литературного имени. С другой стороны, невольно задаёшься вопросом: почему о незаурядном поэте никто не знает даже по месту жительства и творчества?

Галина Ганеева косвенно ответила на этот мой внутренний вопрос, признавшись, что её никогда не интересовал литературный успех и что ей в этом смысле близко высказывание Оскара Уайльда: «Будь собой, остальные роли заняты».

Как бы то ни было, я надеюсь, что с выходом книги лирики «Размытые акварели» имя Галины Ганеевой станет известно не только ближнему кругу родных и друзей. А в том, что перед нами поэт настоящий, полностью сформировавшийся, у меня нет никаких сомнений.

Поэтический мир Галины Ганеевой затейливо освещён «магическим кристаллом» искусства. Музыка, живопись, литература — тут всё взаимосвязано и неразрывно. «На фугах Баха свет устроен», а музыка Бетховена рисует в памяти гранатовый браслет из хрестоматийной повести Куприна («Огнём кровавого граната горит Бетховена соната...»).

В этом словоцентричном мире по «шастернаковской тропинке» можно выйти к лесу — гумилёвскому (он «орнаментом вбит, хандрой бирюзовой украшен...») или бунинскому. И по-

чувствовать, как душа «растворяется в пространстве», и ощутить себя загадочной Аннабелью с картины Джеймса Уистлера.

*Ей безразличны, Аннабели,
все взгляды, мнения и мели:
мерцаньем полурастворённым
и шагом плавным, полусонным
она ушла, она уходит...*

По нынешним временам любая поэзия элитарна, а уж поэзия интеллектуальная, предъявляющая особые требования к культурному цензу читателя, совсем уж не для всех. Галина Ганеева отлично осознаёт это: «Прохожий, впрочем, не услышит и не поймёт: он прозой дышит...» Есть ли дело ему до творений Рассела Миллса, дарующего «нам страсть и жизнь»? Он-то и имени такого не слышал наверняка. Однако нет никакой крамолы в том, чтобы не знать Николая Фешина, Рассела Миллса, Джеймса Уистлера и Дебору Турбевиль. Худо, когда нет даже желания узнать, сделав небольшое усилие над собой.

«Размытые акварели» — отличный повод, чтобы преодолеть инертность серых будней и открыть для себя нечто ошеломляюще новое и прекрасное. Небо, любовь и талант.

*Эдуард ПОБУЖАНСКИЙ,
поэт, член Союза писателей России,
главный редактор издательства «Образ»*

Размытые

АКВАРЕЛИ

ВСТУПЛЕНИЕ

Всё в пятнах памяти, полуразмытых мыслей,
сибирских улиц и дождливых дней,
палаццо дождей и небесной выси
деревьев дрезденских — обрывками вестей,
неловких слов, поблёкших обещаний,
парижских встреч, мучительных прощаний...
Про эти были-небыли прочти
в слезах моих — разводах акварельных,
в моих прогулочных шагах бесцельных
и в неотправленном тебе «прости»...
Оставь меня... Не дай же мне уйти!

МОЛЬБЕРТ I

Statera

* * *

Гранёных алмазов, цветастых орнаментов
писатель, художник и мастер —
внедряешь Джоконду изящным диаметром
в паноптикум боли и страсти —
узором загадочной неизбытности,
гармонией резких каскадов...

Талант одинок и не знает взаимности:
корабль сумасшедших пиратов
в просторах лихих и враждебных лавирует,
а может, утонет до срока,
но драйва борьбы и задора не вытравит
из них никакая тревога.

Нетленный Создатель ни слова не выкинет
из Замысла вечных стремлений:
без творчества дни —

словно волны безликие,
а творчество — море сомнений.

АПОКРИФ

Мелькают дни, часы уходят,
минуты чертят свой особый путь —
из точки Алефа подвальным переходом
тропинки времени
в волшебный сад вернуть.

В библиотеке праведных и зрячих
слепого Борхеса бессмертен монолог,
и розой Парацельса обозначен
его отъединённости урок.

Апокриф мести — в милости забвенья,
а может быть, прощенья — всё равно...
Четыре темы у преображенья,
но вот самопознание — одно.

ЛЕТО ГОСПОДНЕ

Паутины и тени, тёмных ликов вино,
тайны всех отражений — это лето одно...
Улетело, исчезло. И возникло опять —
снова — ныне и присно —
обнимать, вспоминать...

Эти тени и лица — словно солнца волхвы,
утонуть, погрузиться в волны трав полевых,
и они мне навеют сладкой юности весть:
нет ни тьмы и ни смерти, свет бессмертия есть.

И сквозь листья и ветви — синь лиловых небес,
дивный свет соответствий — это бунинский лес,
это Бродский, Иванов, Ходасевич и Блок...
Это лето Господне, это жизненный срок.

ЗВЕЗДА

Философ прав: юристу и поэту
не обрести эдемской чистоты.
Но что нам делать с благодатным светом
Звезды Рождественской, не знаешь ты?

Куда Христос полил дорогу кровью,
зачем был явлен в этот дольний мир,
за что возвысил жертвенной любовью
всех потерявших ориентир?

Нехитрый выбор тем и обусловлен,
что узкий путь сквозь тесные врата
высвечивает с верой и любовью
ещё волхвам сиявшая Звезда.

РАДУГА

Арсению

От восторга ангел плачет.
Ты ладошками всплеснёшь,
дождь пройдёт — и станет слаще:
радугой ко мне придёшь,
золотой улыбкой Бога,
колкой россыпью цветов...
Шаг замедлишь у порога,
чтобы зацепить остов
радужного коромысла
понимания и смысла —
эту грустную задачу,
от которой тоже плачу...

ОПУСТЕВШИЕ МЕСТА

Свято место пусто не бывает,
только горе недоумеает:
где же те, которые — далече,
где горят их тающие свечи?

Как душа моя осиротела!
Чтоб занять себя, всё ищет дела...
И сияют их места пустые,
светом трансцендентным налитые.

Утешенье посылает небо:
яблоки, дожди и ломоть хлеба.
И плывут молитвы диалогом
только с Ним —
одним предвечным Богом.

ПРИЗРАКИ ПИСЕМ

Деревья поднимаются из писем,
в объятьях пьяный маковый букет,
но обглодали призраки все мысли,
без адреса остался алый цвет.

Дорога кружит кронами деревьев,
а поцелуи выбились из сил,
вернутся без привета и ответа —
забудешь всё, о чём меня просил

и ворожил пасьянсами поэта,
посланьем другу римскому дышал —
эпистолярных жанров песня спета,
и виртуален призраков оскал.

С посланниками не летят записки —
они стремительней, чем выстрел лесника,
отрывочное эхо эсэмэски
как примитивный скрежет пустяка.

Рост дерева любовью обусловлен,
в объятья просится любой цветок,
совсем не эталоном установлен
интимный мой, мой личный монолог.

Химерам времени оброк мы все приносим,
когда соразмеряем их язык
с мольбой в открытую, сияющую просинь,
и речь моя — мой вечный духовник.

МОЛИТВА

Вот и конец, и чувство испарилось.
Пружиной боль взвилась и проявилась
в лице, перекосившемся от мести.
О Господи, плачу оброки честью,
от праведных — неправедные силы.
Спаси меня, яви мне Божью милость,
чтобы в Тебе, Тобой я укрепилась,
чтоб чарами я больше не томилась.
Всему благоволить — наперекор унынию,
вверяя жизнь интуитивной линии,
подобно облаку, не погрязать в заботах
и не тонуть душе в перерасходах.
Где ветер структурирует просторы,
прорвать привязанности липкие узоры
и созидать, не тратить время всуе,
миропорядком дни преобразуя.

БИБЛЕЙСКАЯ НАДПИСЬ НА СТЕНЕ

Ты взвешен на весах и найден очень лёгким.
Наперекор умелой маскировке и лирике упрямых
обольщений, ты даже не отбрасываешь тени: ты смыл
её бездарной акварелью — пустым раствором мутных
самомнений; любовь к себе картину затмевает,
и контуры рисунка исчезают. Ты взвешен на весах,
но пустота вне веса, тем более — библейского замеса.
Ты взвешен на весах... Но что же это было? Иллюзия
мне горизонт затмила экспрессией замедленной
развязки — история из тривиальной сказки,
фантазии из воздуха и пыли не в первый раз мне
небо заслонила. Пустых очарований путь напрасен,
финал прозрения, увы, однообразен, неистребима
сила искушений, необратим маршрут развоплощений.

Я снова выжила, хотя была убита. И снова утро.
И окно открыто. Ты улетучился — ты найден
слишком лёгким, а древний текст лишён
инсценировки.

* * *

С. С.

Перебиваясь нездоровьем
трансцендентального вранья,
мы приобщаемся невольно
к прозрачной книге бытия.

Вся соль земли, глубины неба,
мгновений чувственный экстаз,
все слёзы, съеденные с хлебом,
сливаются в один рассказ:

напрасный с жизнью поединок
и мощный гётевский призыв,
Ван Гога стоптанный ботинок
и песен Малера мотив...

Боль исцеляется лишь болью,
когда искусство — на крови.
Ты чувствуешь души приволье
и в мрачных пропастях земли,

в провинции или в Париже,
в лесу, в соборе и в пути:
лишь правда помогает выжить
и входы-выходы найти.

И все высоты — в сострадании,
которым можно мир обнять,
проникнуть в грусть любых преданий
и Клагенфурта благодать.

ЛАБИРИНТ

«Каким же будет мой избавитель?» —
спрашиваю я себя...

Хорхе Луис Борхес

Лабиринтов банальная бездна,
перепутанных мыслей рваньё —
не питает ко мне интереса
бестолковое это житьё.
Меланхолий тяжёлые взлёты —
мастер Дюрер их мессу вершит,
пульсом древней истощной заботы
путеводная нитка дрожит
в Ариадниной вечной работе
Минотавра в себе отменить.
Наважденье — проклятье заблудших:
не забыть, не простить, не избыть.

И не слышать внезапного стога
жертвой ставшего Астериона —
хищник с жертвою соотнесён
самым зрячим слепцом всех времён.
Парадокс аргентинского эха,
отголосок жестокого смеха —
Минотавр или Астерион —
в лабиринте зеркальных имён?
Мне неведома двойственность истин,
но знакомо простое чутьё:
мир в обидах своих бескорыстен,
но в обидчике — сердце моё.

В ПЕРЕРЫВЕ

Ругаемся, кричим, с рукою на отлёте
по клавишам стучим в словесном обороте,
досадуем, спешим — обиженные дети...
Кто выслушает нас, единственных на свете?
Кто выберет — не нас, не нас самих, а наше —
наш мир, наш рай, и ад, и смятую рубашку,
наш хаос на столе, лицо без макияжа?
Деревья в серебре молчат без эпатажа,
прекрасные всегда, не требуют награды,
не чувствуют стыда, восторгов им не надо.
Прервёмся хоть на миг,
взгляд бросим за окошко:
там — скверик без интриг,
там узкая дорожка...

ПОСЛЕ ПРАЗДНИКА

Блеск праздника влечёт и утомляет,
как всё, что происходит напоказ,
жизнь изнутри, скукожась, замирает:
из сердца вон — и с глаз долой, и с глаз...

Утратишь ты себя с собой в разлуке,
рискуя всех любимых заменить
на маскарад сверкающей прорухи;
ты рвёшься прочь, но ускользает нить.

И каждый миг умножит расстоянье
последней отчуждённости с собой,
и тусклый объектив воспоминаний,
как лавка древностей, покроется золой.

И ты останешься в ларце из незнакомых,
дорогостоящих, испорченных камней,
они замусорят твою дорогу к дому
бесовской прелестью заманчивых теней.

Блок видел книгу между книг.
Марина поднялась к вершинам.
Двойного зрения родник —
в тоске Иванова глубинной.
А был ещё — с тяжёлой лирой,
шагающий путём зерна
провидец, городу и миру
сказавший: истина верна.
И, если вправду сопоставить,
несложно и уразуметь —
раз: победителей не славить;
два: побеждённых не жалеть.

ГРОЗА

Ослепительней молнии острый росчерк пера,
это небо обмолвилось, это было вчера.
Связь сегодня потеряна — в пустоте ворожу:
не в небесном ли сервере, вопреки грабежу,
сохранился нетронутым с неба горний привет
и в высотные омуты погрузившийся свет?
А высоты — о Господи! — в пепелищах костров
и насмешливых возгласов об отсутствии дров
для босых небожителей или жалких бродяг,
непонятных ревнителей грозовых передряг,
как весна моя пражская, как волна из реки
лебединой растяжкой, как её росчерки...
Экспрессивная солнечность, цветовая игра,
это Влтава обмолвилась, это было вчера.

ПРОГУЛКИ С ФРОСТОМ

И снова звёзды Роберта Фроста
дают уроки моей ходьбе,
моим прогулкам вдоль переулков,
сквозь перелески, вдоль по судьбе.
Вселенной верить и — настезь двери,
забыть, что было, утратить след;
минуя встречи, соблазнов речи,
и помнить только: с востока свет!
Избравши эти потоки света,
всему другому ответить: нет.
В путь одинокий к звезде далёкой
пуститья страшно с тобою врозь,
но лук натянут, стрела жестока,
а лучший выход — всегда насквозь.

VITA BREVIS, ARS LONGA

Сыну Антону

В это марево голубое мы бежим от забот
с тобою, от туманов сырых и плотных,
ото льдов и ветров холодных...
В серо-синей хрустальной взвеси,
уподобленной поднебесью, ворожить
и жить интересней, там текстура чувства
чудесней. Выбор версии прост, осознан,
и менять его слишком поздно. Продираемся
к ярким звёздам, кровь от терний сочится
в воздух, по ногам хлещет горький
опыт, вслед несётся сарказмов шёпот,
но кощунственен глупый ропот, и не слышен
погоны топот. Ожиданий не так уж много:
в соответствии с волей Бога — жить, как
лилии полевые; мы не первые, не вторые...
Птиц небесных блаженны крылья. Обернутся

заботы пылью, суетой и томлением духа,
и потерей тонкости слуха — имитация,
показуха и снобизма пустое брюхо. Лишь
бессмертных художников розы не страшатся
ни смерти, ни прозы, и не сякнет вода
живая — та же лилия полевая, царскосельская,
не иная... Мандельштамовские стрекозы
и роскошная Врубеля роза воду пьют
из простого стакана — ночью, днём или
утром рано, предлагают и нам — в нирвану
погрузиться, в родник этот странный.

В это марево голубое мы бежим от забот
с тобою, от туманов сырых и плотных,
ото льдов и ветров холодных.

CARPE DIEM

Устроим праздник, откроем двери,
забудем прежнее недоверие
и растворимся в пастельных красках
видений частных, страстей напрасных,
вернёмся вовремя в то же время —
к Марселю Прусту по направлению.
Устроим праздник, откроем двери
в прозрачный воздух живых артерий.
А свет лучится, время струится
скользящей влагой, речной водицей...
Откроем окна в любовь былую,
где мы дурили напропалую,
вберём непрочные наши чувства
в цветную память с оттенком грусти
и обретённое — не забудем:
коль Бог не выдаст, враг не осудит.
Откроем сердце — и стол накроем
мерцаньем жизни, её настоем,
пьянящей влагой ночных устоев,
недолговечных, как всё земное.

МОЛЬБЕРТ II

Мелодии вселенной

СИРЕНЫ

Все пристани скитальцев и поэтов
от них скользят и уходят прочь,
пунктир прерывистый

из призрачного света
ведёт их в фиолетовую ночь.

Волшебный голос обещает счастье
и предрекает странникам любовь,
и сердце разбивается на части,
и берег ускользает вновь и вновь...

И сладкий мёд из царства Персефоны —
коварный зов сирен неотразим —
мелодией трагической канцоны
течёт, как в миф: финал неотвратим.

МЕЛОДИИ ВСЕЛЕННОЙ

Артуру

Я в вечер выхожу. Мелодии вселенной
меня включают в сумрачный орган,
объемлющий полифонией плена
мой слух, мой облик, мой самообман.

Я вижу сполохи в мозаике заката
и взгляды звёзд, презревших суету
и по-онегински — любовью брата —
не снизошедших в робкую тщету

простых порывов — вровень с облаками
встречать закат и провожать рассвет,
основу ткать меж гибелью и снами...
Но звёзды смотрят вверх, до нас им дела нет.

Зато я слышу музыку вселенной
и растворяю в ней свои грехи,
и контрапунктом Ангел откровенья
звучит во мне: о Боже, помоги!

РОНДО

Лёгкая мелодия разлуки
облаком протягивает руки,
шалым ветром душу овевает,
невесомым хмелем наполняет.

Возглас: — Проще! —
  сцену украшает;
— Веселей! — актёров вдохновляет;
— Выше! — избавляет вас от скуки
лёгкая мелодия разлуки.

Игры без антракта утомляют,
рано или поздно умножают
на ничто ничто — пустую муку
этой грустной музыки разлуки.

Наш бокал вина опустошают,
нас от нас самих освобождают
лёгких крыльев призрачные звуки
театральной музыки разлуки.

ФРЕДЕРИК ШОПЕН

1

Шопен. Задумчивые тени,
хрустальные переплетенья,
звонящих линий упоенье,
их диссонансов озаренье,
полёт мелодии воздушной,
зеркальный блеск тропы минувшей,
любви тоскливо-простодушной,
свечу чахоткою задувшей.

В пустой жестокости Майорки —
филистерские кривотолки,
и фа-минор, от крови горький,
и одиночества осколки.
И вновь Шопен не ищет выгод, —
поэт сказал, он сам — как выход
к садам сверкающим и тихим,
в судьбы трагическую прихоть.

Звонящих линий упоенье,
их диссонансов озаренье,
полёт мелодии воздушной,
зеркальный блеск тропы минувшей,
направленной в небесный выдох —
изысканной баллады прихоть,
хрустальные переплетенья,
души возвышенной виденья...

2

Грациозная поступь ручейковых мелодий —
сокровенный Шопен,

нет реки полноводней...

Где сокровища неба, там баллады разлада
в переливах ноктюрнов над рекою Утратой,
боль прозрачных прелюдий и...

вторая соната.

3

Ни дня, ни ночи без Шопена не прожить,
в его мазурках прописаться бы да жить,
его баллады повергают душу в транс,
Шопен — любовь моя, небесный мой альянс.
В ночных бессонницах ноктюрнами звенит
мой эксцентричный бред, моей печали вид,
и представляю я Креста Святой Костёл,
куда сокровищем Господь его увёл,
где бьётся сердце пианиста одного,
и нет сакральнее на свете ничего.

И нет на свете лучше музыки любви,
она пульсирует у нас с тобой в крови,
и эта музыка для нас одних звучит,
и нашим ритмом вальс Шопена перевит...
В его этюдах — голос сердца твоего,
и нет на свете вдохновенней ничего.

СИНЯЯ РАПСОДИЯ

Мирославе

Потоком холода в лицо мне дышит синий.
Когда стремительные волны светлых линий
уносят темноту ночных просторов
под вспышки падающих метеоров,
безропотно я наряжаюсь в иней —
колючий кобальт из пустых уныний.

Воздушным звуком цвета «ниагара»
плывёт мелодия пронзительной гитары,
и ниспадают складки платья в песне,
и тонет сердце в необъятной бездне...

Но страстный и прекрасный жгуче-красный,
просачиваясь в лазурит ненастный,
вот-вот предстанет странным фиолетом —
безумного художника приветом.

По-царски импозантный цвет индиго
наполнен счастьем творческого мига.
Стихийный водопад ультрамарина
импровизирует мотивы сонатины...

Я в синем сне. Недвижна и спокойна.
И никому от этого не больно.

ИОГАНН СЕБАСТЬЯН БАХ

Большие терции, и малые,
и эти звуки небывалые,
и абсолютно все тональности —
полёты чистой гениальности.
И темперирует клавир
от Баха весь подлунный мир,
не только Моцарт и Бетховен,
на фугах Баха свет устроен:
мы начинаем до мажором,
заканчивая си минором...
И фути кругом, друг за другом —
за счастьем, словно кони цугом,
бегут, поют в полифонии
их истины непрописные...
И растворяется в пространстве
моя душа, как в сказке странствий.

МУЗЫКА БАРОККО

Мы любим музыку барокко —
в ней вертикаль и роскошь рока,
и асимметрия жемчужин
молитвой ораторий кружит,
а равновесие органа —
одна сплошная сердца рана.
И эта fuga, и токката
душе поют про то, что свято,
и нас в бессмертие уносит,
и мы летим, как листья в осень...
Неровных ритмов ригурнели
Вивальди, Баха и Корелли
звучат полифонией счастья,
гармоний беспрерывной властью,
и Куперен, и Букстехуде —
глубокомысленное чудо,
и утончённый клавесин,
и эта радость — без причин...

РЕКВИЕМ

Тайна холода мучит жаждой
знать законы небытия:
прозвучит ли там хоть однажды
голоса твоего мелодия?

Лёгкий смех сквозь улыбку счастья
я услышу ещё, скажи?
Ты бесплотен и безучастен,
а вокруг — мрак и пустоши?

И сойду я с круга земного,
проплывёт душа через Стикс...
Призрак образа, или слова,
или твой меня встретит крик?

Поворот головы смущённый
и стремительный взмах волос —
захлебнулось всё в бездне чёрной
или в светлый рай прорвалось?

Верю, Господи: не оставишь,
теплотой любви воскресишь,
ада мёрзлого хруст и гравий
в крылья ангелов преобразишь...

ЗЕЛЁНАЯ ПАССАКАЛЬЯ

Н. Б.

Я слышу пассакальи сон зелёный:
нефритом тусклым отливают клёны,
сентябрь отсвечивает изумрудом,
оливково-зелёный Букстехуде
звучит как независимое чудо.

Фисташковой обмахиваясь кистью,
в уста целуют винограда листья,
и гумилёвская больная бирюза
заглядывает вновь в мои глаза.

Опалом овевает ветер встречи,
и бесконечны лаймовые речи,
как ручейки, запрятанные в гроте,
в абсентовом пьянящем повороте,
насквозь —

в стволы пустого пробужденья,
тоски зелёной злоупотребленья.

МУЗЫКА КРАСНОГО

Музыка красного — цвета вихрастого,
крови и страсти аккорды напрасные,
цвета болезненно... алого, смелого,
жгучих тональностей жест ошалелого,
маниакально-безумного Гаршина,
красным цветком —

по безумию страшному,
вниз головой во влекущий пролёт —
песня отчаянья, красный полёт!

В алой палитре огнём потонувшая,
пурпурных маков стихия заснувшая.

ГРАНАТ

Огнём кровавого граната
горит Бетховена соната:
разодран на две половины
плод жизни. Зёрна сердцевины
сверкают блеском драгоценным —
столь символично переменным,
что юность кажется нетленной
и даже зрелость — неизменной,
не вспоротой, как этот плод.
Никто вовеки не умрёт —
княгиня Вера слёзы льёт.
Мы всё оставим на потом:
бессмертны мы, наш лес, наш дом,
и наша связь — она вне слов, —
и безответная любовь
пронзит нас Куприна мотивом.

Внутри браслета чувства живы,
камней сияют переливы,
плывёт *largo appassionato* —
вторая часть второй сонаты...
Княгиня Вера слёзы льёт —
кто умер, больше не умрёт.

ВЕРТИКАЛИ

Высшая правда земли вертикальна:
голос её не услышишь случайно
в суетном ворохе плоских доктрин,
в бурном потоке безликих машин.

Горизонтальны грехи и ошибки,
мелкие боли взаимных обид,
или рефлексий чрезмерные попытки,
или покинутых стонущий вид.

Высшая правда любви милосердна,
жертва проста и предельно конкретна:
это фиалки — всегда по средам,
память живая — по мёртвым местам,

по восхождениям жгучей вины
к облачным высям без меры длины.
Низкому — без толку дар и багаж,
только достойному — не передашь.

Сущая правда любви многомерна:
на перекрёстках небес и долин
с крестообразными вихрями ветра
вдруг понимаешь — ты снова один.

Правда простая моя вертикальна:
небо, любовь и талант — это тайна.
Или стихи без особых причин
музыкой сверху — и ты не один.

САКСОФОН

Уносит сердце саксофон
в просторы моря и вселенной,
и мощь его волны — как сон,
как звёздный сон любви нетленной.

Любовь химерами жива.
Пока саксофонист играет,
я верю в живые слова,
они реальность затмевают.

Молчанье музыку продлит
лишь на короткое мгновенье.
И вновь земли печален вид,
вновь надо жить — во искупленье

всех неотпущенных грехов,
всех неисправленных ошибок,
застывших волн, больных стихов
и доверительных улыбок.

А может быть, погоды ждать,
сидеть по-прежнему у моря,
надеясь и трепетать,
опять захлёбываясь горем?

Но гибелью своей души
платить я больше не желаю
за эти жалкие гроши
мгновений призрачного мая.

Уносит сердце саксофон
в простор блистающей вселенной —
как освежающий муссон,
как свет души моей нетленной.

ГЕОСМИН

Ты в музыку зовёшь меня, любовь.
Волшебная сюита без финала
пронизана полётами насквозь,
чтоб на земле я их не растеряла.

Леса и степь взмывают в облака,
и пол-лица мне горы закрывают,
пока звучит чакона мне, пока
по райским кущам души расселяют.

Но аромат земли — колючий геосмин
и горький запах нищенской полыни —
не только он, не только он один
мне и в раю печалью сердце вынет.

Земного счастья странный ареал
течёт как мёд из древнего фиала,
как бесконечный ангельский вокал
в катренах рифм, лишённых идеала.

МОЛЬБЕРТ III

Бунинские

эпиграфы

* * *

Есть старое шотландское преданье...

Иван Бунин

Кто сказками живёт, тем время безразлично,
когда сходить с ума и в гости ждать гостей,
чьи тени движутся, преданью идентичны,
шотландским шагом ласковых сетей.

В полдневный час, полночный или утром,
в толпе задумчивой, в пустынной суете,
в просторах радужных —
жемчужным перламутром
поручен облик твой забывчивой мечте.

Но в небесах случайных соответствий
есть всё же день, единственный в году,
два имени там... жестами приветствий
два наших ангела встречаются в саду.

ГРАММАТИКА ЛЮБВИ

Это была крохотная, прелестно
изданная почти сто лет тому
назад «Грамматика любви, или
Искусство любить и быть вза-
имно любимым»...

Иван Бунин

Их шарма шлейф неуголѣнный
в стихах и прозе расцвел,
когда, к любви приговорѣнный,
он заново их создавал:
простушек и аристократок,
наряженных в шелка и мех,
служанок, дам и психопаток,
одетых в ситец,

страсть и грех, —
и жемчуга их заблуждений
рассыпаны слезами снов...
Ему не оставляла выбора
его грамматика — любовь.

Тропинок тёмные аллеи,
и Гали Ганской смертный яд,
Надежда, Зойка и Валерия,
Мещерской Оли ясный взгляд,
и чары их непостижимые,
и лёгкое дыханье — в ночь.
Но как они волшебны живы,
и в смерти им не изнеможь!

Из-под пера его воскресшие,
они слетают со страниц,
все эти девочки и женщины —
в тени опущенных ресниц
и схваченный аграфом пеплум,
и нитка трогательных бус,
и унесённая злым ветром
навек исчезнувшая Русь,
Маруся в жёлтом сарафане,
Лукерья, Генрих, Натали...
И весь их пантеон пространный —
его грамматика любви.

* * *

И кто-то скорбный, в одежде тёмной,
Стоит над морем... Вдали — печаль...

Иван Бунин

Он — этот скорбный, в одежде тёмной,
не отпускает своей тоской,
и гаммой томной, сплошь монохромной,
картину мира застит собой.

И каждый вечер мне гасит свечи
его посланец — морской прибой,
и гордым звёздам в час ночи поздний
путь преграждает глухой стеной.

Есть тайна света в картине этой —
она мерцает сквозь плотный мрак.
Пустынный остров воспет поэтом,
не он ли шлёт мне свой вещий знак?

* * *

Две розы под окном раскрылись —
Две чаши, полные огня.

Иван Бунин

Сгорая, дарим сердце ветру,
чтоб сдул остатки красоты —
на акварели в стиле ретро
проступят наших лиц черты...

И пламенеют розы даром,
и рвётся изнутри огонь
души, растроченной пожаром,
открытой, как твоя ладонь.

Росы живительную влагу
мы не способны удержать:
неистребима эта тяга —
мгновенным импульсом сгорать.

* * *

Дурману девочка наелась...

Иван Бунин

Дурману сердце понаелось,
теплом случайным перегелось,
любви и бреда сладкий сон,
внутри, вокруг — со всех сторон.

И сердцу опытному сладко
то, что для девочки — загадка,
пусть возраст разный, суть одна:
и у оврага белена,
и в огороде бузина.

Кто ищет их, тот и находит,
и глухой разум колобродит,
кувшинок одолень-трава
в прудах прохладна и мертва.

Восторг гармонии небесной
померкнет в свежести телесной:
противопоказаны лекарства
отравы праведным мытарствам.

Конца не будет этим сказкам,
как бунинским стихам и краскам,
а мутный сон больной любви —
всё яд он, как ни назови.

* * *

На высоте, где небеса так сини,
Я вырезал в полдневный час сонет
Лишь для того, кто на вершине.

Иван Бунин

Уйду, не дожидаясь ответа,
остыло солнце моего завета,
и травы тёплые былых тропинок
щетинятся осками сухих поминок.

Направляюсь в горы по крутой дороге,
где камни острые ласкают ноги,
где резкий ветер разгоняет напасти
и прочь уносятся миазмы ненастья.

И в знак защиты от душевной невзгоды
зажгу огонь неистребимой свободы,
и на скале, на этой горной вершине,
проступят небеса, которые так сини...

...Здесь Бунина оставлен гордый след,
здесь вырезан его стальной сонет.

МОЛЬБЕРТ IV

Отражения

* * *

Мы включены в игру из собственных мотивов —
от бега времени спасти свою строптивость,
характер отстоять и чувства справедливость.
Но небо и весна даны нам в час всевластный,
нас ангелы хранят от нас самих, злосчастных.
С руки нас кормят дни и утром кофе варят,
и даже зеркала нас иногда пиарят —
то лестью, то враньём, то блеском отражений...
— Попробуем сыграть осколками видений?

НОРВЕЖСКИЕ ПРОГУЛКИ

Надену рубашку белую
и чёрный брючный костюм,
пройду по городу Бергену,
расслышу небрежный шум
прохожих, говор провинции,
увидю особняком
твой облик в линялых джинсах
с почти пустым рюкзаком.

Но это не город Берген:
мы были тогда в другом,
где Мунк подарил мне серьги, —
мы жили одним броском,
питались, как приходилось,
соком его земли,
отчаивались, молились
и верили, как могли.

Меланхоличен город,
но живы его шаги,
по Кнуту Гамсуну голод,
холодных фьордов круги,
мистерии соответствий
и наша двойная тень
на тропках лесных нашествий
в одну и ту же мишень.

Надену пёструю юбку,
а блузку сплету из травы,
деревья отмечу «зарубкой»
из ленточек цветowych.
Забуду свою неправду,
забуду про твой уход:
раз ищет Глана Эдварда,
то он её где-то ждёт.

ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ ОДНОГО ИСКУШЕНИЯ

Разочарованность становится крикливой — стучит в висках, как городской трамвай, рукой железной, длинной и тоскливой, прокладывая путь в известный край сознательных самообманов, опустошающих уроков болтовни, где лужи вырастают в океаны обидчиво-зависимой возни. Отброшены ирония и опыт, погашен вольной воли чистый свет, и запоздалый раздаётся ропот, что повторился деструктивный бред.

Одеждам элегантных искушений всегда к лицу незавершённость встреч: день вечерел, красавицы старели — всё как обычно. Не об этом речь. Она — о красоте Весны священной, о диссонансах жизни и мечты: Коко Шанель была его вселенной на краткий час парижской суеты. Кантата оказалась недопетой — Стравинский чары не успел изжить, и номер пять недолгого дуэта знакомой нотой в воздухе кружит...

ПАЛАНТИН

Мой палантин размытого узора,
где розы проступают сквозь туман,
нам застит трезвый горизонт обзора,
укутает и унесёт — в обман.

Мелодий там распахнуты объятья —
твоих, моих — влекущих, неземных,
и наших тайных чувств гомеопатия
коснётся рук и губ — твоих, моих...

Мой палантин туманного узора
прогнал неизъяснимую полынью,
окутав ароматами просторов
любовь мою, насельницу пустынь.

Мой неприметный, старый палантин...
Per aspera... — и мёртвая латынь.

РЕКА

Как могу я тебе причинить печаль,
если так и тебя, и себя мне жаль,
если я молюсь за тебя с утра,
посылая волны любви и добра?!

На другом (не твоём) я стою берегу,
и рекой, разделяющей нас, я уплыть не могу,
изголовье твоё не могу поправить
и забыть не могу, не могу истаять.

Видно, волны мои — в берегах недвижных,
видно, я не из тех, которые ближе,
и они тебя стерегут и вокруг хороводят,
заговаривают, берегут и рекою бродят.

Им-то впору река или кажется мелкой,
вброд её перейти — простая безделка...
Ну а мне не река — океан бушующий
из бездонной души и души тоскующей.

ПОЙМАННЫЕ ПТИЦЫ

Может быть, это власть или властная страсть,
тесный плен и оковы блаженства?
Окольцованных птиц невозможно украсть,
их тюрьмой станут их совершенства.

Продарапано имя, отслежен маршрут,
и полёт inferнально прочерчен,
а потом особь редкую в клетку запрут —
доля пойманных птиц или любящих женщин.

Нас влечёт эта страсть, эта страстная власть,
сладкий плен этой чувственной клетки,
нам что в руки упасть, что в неволе пропасть
и очнуться — совсем уж без метки.

* * *

Мой демон изменчивый, сердце моё,
мой ангел тоски безучастный,
и соткано время, как парки шитьё,
из пряжи, для жизни опасной.

Там лес гумилёвский орнаментом вбит,
хандрой бирюзовой украшен,
там голос петлёй вокруг горла обвит —
так ласково глух он и страшен.

И блудит тем лесом петлистая нить,
беду закрепляя разлукой.
Но чей это голос блаженно звучит
бессмертия странной порукой?

ПРОГНОЗЫ И НЕВРОЗЫ

Перепады, эскапады,
раскалённые каскады
вулканической громады —
пламя лавы раскалённой,
садистически влюблённой
в боль ожога или шока —
проявления порока.
Перманентная морока
нашей тяги — все зигзаги
для панической атаки.
Даже врозь —
всегда насквозь
злая ненависть — любовь.
Если вместе —
в жуткой жести

ссор, восторгов примиренья
и сплошного нетерпенья —
сумасшедшая любовь.
Бесконечно, вновь и вновь,
счастье лавы раскалённой,
нам с тобой благословлённой...

СОЛНЦЕ ЛЮБВИ

Знаю: солнце любви неподвижно —
смотрит прямо в лицо моих дней,
где тебя я отчётливо вижу
в ореоле печали своей.

Преломляясь сквозь лезвия боли,
сушит пламени рваный привет
влагу жизни и держит в неволе
изнутри обжигающий бред.

Страшный жар, ужасающий морок,
цепенеет недвижно во мне,
и не слышится жалости шорох,
и не снятся полёты — во сне...

Положи этот огненный камень
Песни Песней — на сердце печать,
всё равно не изгнать, не избавить,
даже если сначала начать.

СОЛНЕЧНЫЙ УДАР

Вид из вагона — высь небосклона,
летних сезонов выбор района —
сентиментального, провинциального —
к быту обычному, к другу привычному.

Спит у окна он, знает все травы,
чаю заварит, в бане попарит
и спозаранку — в лес, на полянку,
к бабочкам, осам, лёгким стрекозам...

Слышится эхо демонов смеха,
скрежет зубовный, голос неровный,
бред акустический, хаос токсический,
жар душающий, грохот пылающий.

Вопли и звоны, слёзы и стоны.
Вид из вагона — мёртвая зона.

КРИСТАЛЛ

Живёшь и дышишь для других,
но для меня — отдельно,
кристалл алхимий колдовских,
сверкаешь за пределами,
хотя без граней и алмаз —
как без героя пьеса.

Струится блюз, воро́жит джаз,
мольбой взлетает месса.

Я вслушиваюсь в их маршрут,
но неуклонно парки ткут
фатальную завесу —
нить перережут и прервут
волшебные эксцессы.

По жребию: кому-то — труд,
кому — зелёный изумруд,
кровавые рубины,
кому-то — временный приют
или совсем чужбина.

Живёшь и дышишь ты для них,
а может быть, раздельно?
Мираж живых неразберих
настроен параллельно:
ирония или экстаз,
умрёшь или воскреснешь?
Струится блюз, воро́жит джаз,
летит на крыльях месса —
и блеска их не перебьют
бесхитростные песни.
Им — скука, суета и труд,
мне — драгоценный изумруд,
рта твоего рубины...
Все ноты голосом поют
далёким и любимым.

СТРАНСТВИЯ

Я странствую, как Одиссей,
в твоих морях уже лет десять,
тоской и счастьем этих дней
обязана я слову «если».

Сквозь Геркулесовы столбы
дорогу топчут хронотопы:
перенаправить курс судьбы,
не посещать пещер циклопов,

не встретить нимфу Калипсо,
сирен не слышать окаянных,
не потерять своё лицо,
не видеть глаз твоих желанных.

Живу я в мифе, мой герой.
Я — там, внутри его сюжета.
Я околдована тобой,
тобой придумана — при этом.

* * *

Сижу, штопаю теперь своё сердце.

Макс Фрай. Книга одиночеств

За штопкой сердца его дырявишь,
иглой и ниткой острее ранишь:
швы расползутся — по недоверию
порвутся дальше его артерии.

Как рваный парус сияет светом
в морских просторах, где свищет ветер,
так не укрыться от стрел и боли:
кто стал мишенью, тот не свободен.

Ран не заштопать, стрелы не вынуть,
не обернуться наполовину,
и не погаснуть огню в прохладе.
С дырявым сердцем игле не сладить.

БЛАЖЬ

Лизе

Банально говоря, всё это блажь,
и вытеснение вполне возможно:
завяли розы в мастерской продаж,
считающей себя благонадёжной.

Но если пеплум сшить из лепестков,
края окантовав шипами стебля,
и выдавать изысканный покров
за романтический пейзаж Констебля?

Вкраплять по капле
в параллельный мир
игры отчаянной смешные чары?
Вдруг явится невидимый банкир
и сердцу выплатятся гонорары?

Засохшие колючки зацветут,
зола сойдёт за цветовую гамму
пастелей зимних, вечеров и утр,
преображённых в круговую панораму?

Банально говоря, всё это бред.
Воображения спонтанные модели.
А может быть, души иммунитет,
чтоб злые призраки её не съели?

БОЛЬНАЯ ПТИЦА

Напрасно всё: истории печалей,
привязанностей, нежных обещаний,
прошедших встреч, грядущих расставаний,
стыд самоуничтожающих признаний,
заламывающих руки покаяний,
упавших плеч, последних заклинаний
и неотвязный стон воспоминаний.
Большой обман больших очарований.

Вся эта анатомия прощаний —
для сильных душ, кто падать не боится,
в крутой обрыв бросается, как птица,
ей крылья рвут — она лететь стремится,
как только что сгоревшая страница
остатки текста сохранить всё тщится...
Напрасный труд, моя больная птица:
остывший пепел даже не дымится,
текст не проявится, восторг не возродится.

* * *

Злой, мстительный, самовлюблённый,
меня предавший сразу за порогом,
ты возвращаешься... отговорённым
вчерашнего спектакля эпилогом.

В навязчивости ложных многоточий
заглохли отголоски лучших дней,
озоновой дырой зияет прочерк:
беззвучна запись реплики твоей.

Ещё Ренар заметил, между прочим,
что у любви из золота плевки.
Но пробой выше всё же одиночество.
Закрыта дверь. Заржавлены замки.

ИЗ ПАСТЕРНАКА. ВАРИАЦИИ

1

Жизнь вернулась так же беспричинно,
как когда-нибудь опять уйдёт
пастернаковской тропинкой длинной
или выберет короткий поворот,

заблудившись в узких переулках
лабиринтов гулкой пустоты,
взглядом молодого Микки Рурка
обостряя прежние черты.

Эти тени перевоплощений,
брошенных на ткани бытия,
расправляет на лугу весеннем
мастерица вольная — швея.

Росчерк линий плавного лекала
платья лёгкий сочинит фасон,
чтобы жить я начала сначала,
вырезав тебя как страшный сон.

2

Ты, ангел залгавшийся, сразу бы, сразу —
и даже не надо бы чистой печали.
От лжи не спасает ни ворох лебяжий,
ни скорбь, заражённая ею в начале.

И эти поэта прекрасные строки
меня убеждают в дороге бредовой,
плутающей между мечтой и морокой,
а выход, по сути, совсем ерундовый.

Действительно, выход вполне ерундовый,
прокаркал бы чёрт из пустой табакерки —
сценарий исчерпан и пронумерован,
к финалу готов и не требует сверки.

Там ангел залгавшийся главным героем
сыграет спектакль и представит контрасты,
там место таким... Пусть идут они строем
из жизни моей, даже в скорби прекрасной.

* * *

И жар души, растраченный в пустыне,
и пыл её, наивный и больной,
и это небо, под которым стынем,
когда тепло уходит стороной,
и время, утонувшее в надеждах,
и патока бессмысленных речей —
тогда, сейчас, и в будущем, и прежде —
чем лживей блеск их, тем мы горячей.
И глупая готовность постоянства
с неубиваемой доверчивостью ждать,
что разомкнётся райское пространство,
где близкая сияет благодать.
И парус, беспредельно одинокий,
тоска, и грусть, и внутренние склоки,
и вечно безутешный Валерик...
Мучительный печоринский дневник:

не подставляться мнимой гильотине —
язвительным и саркастичным быть.
Белеет парусом нетленная вершина.
Вот если за неё благодарить?!

ОТРЕЧЕНИЕ

Забывать.

Не быть

ничьим восторгом и ничьею тенью,
росой смывая нимбы поклонений,
раздвинуть горизонты самомнений,
утратить ореолы увлечений
и плена добровольного мучений.

Избыть.

Разбить

изысканные душ метаморфозы,
наркозы, слёзы, грёзы и курьёзы,
лиловый колорит античной розы,
чей шарм старинный упразднят морозы,
а смерть излечит все её психозы.

Уйти.

Найти

заброшенное крошево ступеней,
разжечь костёр, раскрыть объятя лени,
небесный купол видеть параллельно
и наблюдать за облаком виденья
под треск в огне сгорающих поленьев.

Рай обрести.

Расти как пёстрый лес —
пространство первозданное чудес,
в порог сознания упёртый жёсткий квест,
где речи Бога слышатся окрест
и различается прощальный чей-то жест.

ОТРАЖЕНИЯ

Е. С.

Вполоборота, с полувзгляда
всё видится не так, как надо,
зато абстрактны отраженья —
и не твои теперь мученья.
Хотя... они как раз твои,
прощайся — больше не зови.
Они стремятся по пятам
и обещают: жизнь отдам,
чтоб отраженье сохранить,
не уязвить, не исказить,
быть двойником,
        быть идентичной —
себе самой, своим привычным
критериям прекрасных чувств
и всех изысканных искусств,

души отважным путешествиям —
по неизученным предместиям,
по тем местам, по тем углам,
где вновь услышишь:

жизнь отдам...

Прощайся — больше не зови:
тебе такое визави
по отражениям знакомо,
как старый лист фотоальбома.

НА ПЕРЕПУТЬЕ

Между тем, что предстоит и прожито,
застреваю в зимнем перепутье
и не знаю, будет ли умножено
дней моих безмолвное безлюдье.

Укрывает снегопад случайностей
местность дел и прочих отношений,
замораживая скучные реальности
белым пухом соприкосновений.

Жизнь сожглась,
оставшись нерассказанной,
прогорела, сердцу вопреки,
и свободой, лишь ему обязанной,
на снегу пишу черновики.

В линиях небрежной зимней графики —
вечное моё непостоянство,
а в его кардиограмме навыков —
улетевших бабочек мытарства.

МОЛЬБЕРТ V

Преломления

КОРОЛЕВА ИЗАБО

Нам навсегда определён
ассоциаций толстый том —
историй боли старый сон,
сверкающий со всех сторон
стереометрией времён.

Игра гранёной Изабо —
подобье позы без забот,
зелёный виноград Томашува
да Пикассо намёки страшные —
оплаченная сестерциями
фигура Королевы ревности,
застывшей в полном безразличии
страстей кубически-токсических.

Но Королева Изабо —
для нас с тобой лишь... апропо:
любовь давно пережита,
осталась памяти тщета.

ЗАГАДКИ АЛЕКСАНДРА ОСМЁРКИНА

Осмёркин — плоть «Бубнового валета»: цилиндры, лилии, насыщенность предметов, и созерцательная отстранённость лиц, и роскошь обнажённых женщин — жриц...

Разъята геометрия загадок,
как банки керосиновой припадок.
В ультрамарин задумчивые кроны
упрятаны, пропитаны зелёным;
и охристым, и разноцветным ядом
нас травят экспрессивные каскады.

И треугольник, впившийся мне в сердце,
и музыкальных инструментов скерцо
звучат навязчиво, поют не устывая:
«Напрасна и прекрасна жизнь земная!..»

И взгляд Ахматовой в открытое окно —
когда это? сейчас? или давно?

ДЕНЬ ЯБЛОКА

Погибший город. Сад эдемский.
Грех первородный. Выбор дерзкий.
Сын Господа его искупит,
и новой эры свет наступит...
Спас Яблочный Преображенья
исправит греков искаженья,
взгляд очарованный Париса...
Сезанна кисть, фовизм Матисса,
Гюстав Курбе, Пётр Кончаловский,
Ван Гог, и Константин Маковский,
и отблески всех искушений —
в садах трудов и вдохновений.
Плод радости, знак урожая —
их яблоки. Дорога к раю.

ДУША РОЗЫ

О. Б.

Туманный Альбион сквозь призрак хаоса
нам посылает вечные цветы,
сквозь душу розы Джона Уотерхауса
в них прорастают Байрона черты.

В порывах ветра — аромат романтики,
неистребимой дружбы сон и явь:
сквозь предрассудки сказочной семантики
прекрасная реальность прорвалась.

Единство времени и места в ней нарушено,
век девятнадцатый и двадцать первый век,
и в раковинах вырастить жемчужины —
погибнуть в Греции, уйти в сибирский снег...

Не меркнет дружбы древний свиток рун,
свет Лейтона. Пылающий июнь.

ДОРОЖНЫЕ МОТИВЫ

И даже это снежное затишье
уводишь ты опять в мою печаль,
где встречного движения не сыщешь,
и только времени упущенного жаль.

Печаль насыщена, зря на неё клеветают —
так утешал себя и нас поэт,
которого оставил с этой вещью
его желанья смутного предмет.

И вот сбегают снова из парадного
ликующие тени красоты,
и я не знаю, кто кого там радовал,
кто возводил и разводил мосты...

Обочиной бегут деревья Брейгеля
гравюрами изысканной зимы,
где снежной тенью, инеем размеренной,
в ловушке птичьей притаились мы.

А рядом конькобежцы и охотники,
дельцы, ловцы, слепых поводыри —
те самые незрячие подводники,
впотьмах блуждающие упыри...

Фантомами дорожного затишья
я трансформирую свою печаль,
где встречного движения не слышно,
но на дорогу времени не жаль.

РЕКВИЕМ ПО ЭДГАРУ ПО

С рассвета до заката дней
страшиться смерти и людей
и с одиночеством вдвоём
смотреть сквозь чёрный водоём,
чтоб жребий предопределить,
но... лишь терять и хоронить.
Линор, загробный ритуал.
А Ворон каркал и летал.

Паденье Ашеров избрать,
и бритвой разума вскрывать
истоки и причины бед
и мрачной мистики примет,
и в тридцать девять возвестить,
что не достанет сил любить
надежды солнечный напев.
А Ворон каркал и хрипел.

Угрюмой готикой пугать
и злых запоев жертвой стать,
переодетым в грязь и тлен,
судьбы изломанной взамен
погибнуть в сорок горьких лет —
Лигейи колдовской поэт,
Луны безжизненной удел.
А Ворон каркал и глядел.

Приговорённой красоты
найти поблёкшие черты,
лиловых роз угасший цвет,
сквозь толщу бесконечных лет
направить приглушённый блеск
и декаданса арабеск...
Тайн роковых не разгадать.
И Ворон вынужден молчать.

АННАБЕЛЬ

Ей безразличны, Аннабели,
все взгляды, мнения и мели:
мерцаньем полурастворённым
и шагом плавным, полусонным,
она ушла, она уходит
от тех, кто глаз с неё не сводит,
навстречу морю и свободе,
чтоб стать волной её мелодий.

Совсем недавно и она
была лицом обращена
и с очарованной любовью,
чей лик летал у изголовья,
смотрела в ночь и в час рассвета,
и эти ласковые сети
её ничуть не угнетали,
они ей рай обрисовали

художника ревнивой кистью.
Но трансформировались выси
в трясины топкого болота,
где в рифму гибнут все полёты.
Она минует, Аннабель,
болото гибели и мель,
и красота её ухода
сольётся с линией свободы.

СОНЕТ
К ДЕБОРЕ ТУРБЕВИЛЛЬ

Поведав тайну красоты
дев призрачных или порочных,
на фото Деборы мечты
мерцают в обликах полночных.

Взамен эффектных дефиле
их ждёт совсем иная участь —
свет силуэтов в полумгле
сверкает вечностью летучей.

И неразгаданный сюжет
замшелых стен в сады уводит:
версальской зелени боскет,
и пруд блестит, и морок бродит...

Фатальных обликов альбом
хорош в прочтении любом.

* * *

Что-то знал ты о женщине,
полупризрачный Фешин,
видел свет незамеченный
сквозь штрихи и туманы
в этих лицах и обликах —
свет игры и обмана...
Всё мерцает и зыблется,
смех и грех перемешан —
что-то знал ты о женщине,
маг сверкающий, Фешин!

ГУСТАВ КЛИМТ. ЗАТЕРЯННЫЕ РИФМЫ

Чья ложь — моя или твоя — пространство жизни кормит ядом, где Климта Водная змея фосфоресцирует наядой, где сужен всех путей маршрут, а страсть течёт непостоянством, кому глаза и руки врут и наслаждаются упрямством? И эти змеи льнут ко мне, и кит скользит, и глаз тарашит, и в этой водной глубине мой берег уплывает дальше, и меж любовью и тщетой уже я выбрать не умею, и в этой хмари золотой — мои эмали и камеи. И Климта чувственный экстаз свечением твоим приправлен, дождём Данаи напоказ, твоими призраками явлен. Распластанные по волне, они блаженны и невнятны, и нет влечения сильней, и нет печали непонятней. Внедрён

орнамент в поцелуй и обмороком опрокинут,
равно ликуй или тоскуй — тебя из кокона
не вынут. Служи ему лет двадцать пять всем
поклонением фатальным, пока Юдифи
аромат пахнёт дыханьем inferнальным,
а Дева в грёзах о грехе раскинется огромной
птицей, и от меня ты вдалеке, и раю
не осуществиться. Застыла в золоте Адель
и кисти слабых рук сомкнула, прошло пять
лет — в цветной коктейль непроницаемо
нырнула. Густой эротики каприз Невестой
властно овладеет, Бетховенский пугает
фриз, надменно смотрит Гигиия...

Сквозь безответную любовь румяная сияет
Флэге, а я ночами вновь и вновь к тебе пишу
свои эклоги.

И эти томные их позы,
и трапезы — гранат и розы,
и все округлости смуглянок —
медовый пряник лесбиянок,
туман полуденной сиесты,
один и тот же гений места,
где Абдалиева Акжан
поёт и славит Казахстан.

* * *

Ах, этот кофе от Аханова,
воздушного и полупьяного,
мы поглощаем по утрам
из рук его туманных дам —
воспламенённых, фееричных,
заоблачных и экстатичных!
Осенний блюз, и саксофон,
и чай горячий, и лимон,
и даже в зимнюю метель
нас согревал его глинтвейн.
В субботу, утром в воскресенье
нас тянет всех в его кофейню,
игрой наполненной искусно
и кофе, неизменно вкусным.

РЕМБРАНДТ

А Рембрандт обездолен был во всём,
что жизнь земная уготовить может,
когда предстала старость палачом.
Он смолоду не ангел был, и всё же
нет равных гениальности его,
пронзительней нет света или тени.
Опустимся безмолвно на колени,
помолимся, поплачем за него!
Припал к отцу воскресший блудный сын
под взглядом сокрушённых домочадцев
в той безысходности, которую один
лишь Рембрандт уловил с невероятной,
суровой правдой мудрых стариков.
Отбросив лжи последние покровы,
тщету надежд, из глубины веков
струится свет его, сияющий и новый.

СУМБУРНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Красавец сумрачный, лорд Байрон моих
мыслей! Бежишь людей или живёшь средь
них, веков во веки, ныне или присно —
злосчастный Манфред призраков ночных...
Недосягаем дух, а сердце — в ореоле
мелодий гибельных, стихов, любви и книг;
страсть к богоборчеству, презрение
к неволе, и эскапад неповторимый шик,
и неразборчивость Терезы Гвиччиоли —
шейф биографии абсурдно многолик.
Аристократ судьбы, ты ищешь в бранном
поле османской Греции случайной смерти
лик: неистовость не знает расстояний
и рвётся в путь без посоха в руке,
и Чайльд-Гарольд, паломник без прощаний,
фантомами маячит вдалеке. Загадка Августы,
страсть леди Каролины, скандальный брак,

и непотребства бред, и донжуанский
список этот длинный — изборождённый
шрамами портрет. А сердце, приобщённое
к разлукам, не ухнет вниз, не спустится
к реке, и Миссолонги не очертит круга,
Харона не узнав в проводнике...

Живём мы начерно, но ракурс отдаленья
душе моей диктует горький смысл:
мистическое предопределение и с лордом
Байроном простой параллелизм.

ТЕАТР СОМОВА

Его эфирный карнавал для фееричных персонажей действительности избежал, не испугавшись эпатажа. Он шарм игры во всё привнёс: в очарование портрета и в эротический психоз — он был насмешливым поэтом Маркизы, Книги всех маркиз, живописующей пейзажи бесстыдной чувственности лиц эпохи всех французов сразу. И Сомов — дерзкий Арлекин, который Смерть оставил с носом, среди боскетов и куртин — Пьеро, танцующий философ. Мечтающих и спящих дам он провоцирует Версалем, дорогой к вычурным дворцам и сладострастным пасторалям. Игрою радуга цветёт, спектакль поставлен с фейерверком... Но сценография не ждёт,

когда молитва грянет сверху, когда
художника глаза нам перед зеркалом
расскажут, Кого уговорить нельзя
в недостижимом Вернисаже, кто Синей
птицей улетел, а их, увы, уже так много...
Но мастер всех запечатлел, сойти с картин
они не смогут.

РАССЕЛ МИЛЛС

А. Ч.

Он театрален и прекрасен,
трагичен, вымышлен, неясен:
то дева с пёсьей головой,
то бык и парень со свиньёй...
И кони с ликами пророков —
они стреножены до срока,
пока их смерть не прибрала
и мгла их в ад не загнала,
где хаос хищников пирует,
а Йорик молнии рисует.
Там, в Йоркшире, как и в России,
всё перепутано: живые
и полумёртвые — мы вместе,
пока цветёт в нас чувство чести —
презреть объедки со стола,
пусть выметает их метла,

и — к Богу с поднятым лицом
осваивать пространный дом,
космический и фантастичный,
роскошный и своеобразный —
наш мир: у каждого он личный.
А Мастер так неосторожен,
так энергичен, невозможен —
художник этот Рассел Миллс,
дарующий нам страсть и жизнь.

АНРИ ДЕ ТУЛУЗ-ЛОТРЕК

1

Он обессмертил ночь Парижа,
граф всех фривольных кабаре,
была ему богема ближе,
он одарил её щедрей,
чем все художники на свете,
чем песни странников в ночи,
он посвящал ей те и эти —
свои бессменные часы,
он рисовал до изнуренья
и пьян был тоже до того,
что боль уродства в проявлениях
лишь славословила его.
Он был на «ты» со всеми разом:
жокей, кокотка, вор, циркач...
Он творчеством своим обязан
болезни. Смейся или плачь,

но гениальный коротышка,
граф из Альби, Тулуз-Лотрек,
всё видел сущностно и слишком,
вплетал божественный гротеск
в особенности персонажей,
в язык плакатов и афиш:
Иветт Гильбер и Ша-Ю-Као,
Мэй, Аристид Брюан... — Париж.
Его афиш изыскан почерк,
и линейность их легка,
его душа прочнее прочного,
его Монмартр — на облаках.

2

Какая уверенность линии,
какое души постоянство!
И кисти движенья сильные
под ритм беспробудного пьянства,
под боли фатальной ущербности
и дружеский смех проституток.
Какая победа над брэнностью,
какой фантастический сгусток
из полной свободы, энергии,
сарказма, борьбы и таланта!
И духа прорывы бессмертные,
и... карлик, представший гигантом
искусства афиш, литографии,
полотен — портрета эпохи
Монмартра; канкан биографии:
из замка Альби — в скоморохи.

И все тридцать шесть из отмеренных —
служение правде и свету,
уроки Дега, и растерянность,
и вход в Мулен Руж без билета,
штриховка Ван Гога, дистанция,
зараза любви прокажённых...
Лотрек. Его жизнь как субстанция
трагичности всех посвящённых.

ЭДГАР ДЕГА

Пастели нежной ясный свет,
и пробуждения, и бред,
приземистые балерины,
одежда небрежных пелерины,
рисунок чёткий, беспощадный,
и взгляд, до сути жизни жадный,
реальных женщин нагота
и роковая слепота,
жокеи, лошади, бега —
но это только тень Дега...

ПОД ЗОНТОМ МАРИИ БАШКИРЦЕВОЙ

Огромный зонт и мрачная погода,
недетское лицо и дождь как время года.
В двенадцать лет — одно,
с пятнадцати — другое:
с холодной осенью сливаются изгой.
В роскошной девочке цветут её таланты,
под полостью зонта сверкают бриллианты.
И год пройдёт — смерть этот зонт закроет;
французско-русским эклектичным кроєм
судьба сошьёт ей саван милосердный
из непокорности духовной и несметной,
из кружевного шелеста ошибок,
сквозь слёзный шёлк отчаянных улыбок,
октябрь или ноябрь перекроив весною,
чтоб в двадцать пять — без тленного покоя,
чтоб и сегодня с неизбывной силой
над нами зонт Башкирцева раскрыла.

ЦВЕТ ЖЕНЩИНЫ

Походка, облик, лёгкость нрава,
капризы, сумасбродства, ум...
В каких бы ракурсах нас, право,
ни видел он — властитель дум
дневных, вечерних иль полночных,
встреч личных — явных иль заочных, —
поэт, художник, музыкант,
мужской имеющий талант
смотреть на женщину с любовью,
не поведём мы даже бровью,
чтоб ободрить его всерьёз,
пока не разрешим вопрос,
как тайну женщины трактует
его ирония, цинизм,
восторг иль садомазохизм.
Любой эпохи ветер дует,
свой выставляя эталон,
важней, однако, кто рисует —
он Дионис иль Аполлон?

Нет краше линий Леонардо
и света Харменса Рембрандта.
Ах, эротизм — от Ренуара
и Климта Густава — вот пара
нас видит в лучшие минуты.
Другим художникам маршруты
прокладывать ещё сложнее:
вот Фешин — обольститель фей,
Филипп Малявин —
баб прекрасных,
то пляшущих, то ярко-красных,
а вот Серов — мучитель наш,
любовь и жизнь ему отдашь.
Всех мастеров не перечислить,
но надо Фридерика Фриске
с оттенком нежности назвать
и цвету должное отдать,
он понял женщины секрет:
для каждой — свой, особый цвет.

ПРЕЛОМЛЕНИЯ

То в ярости невыносимой,
то в одержимости счастливой,
безумствуя, осознаём
всё то, что шатко бережём
под тайной складкой
детской кожи —
сокровищем на дне души.
А вскинет голову прохожий —
ты и ему, как мне, скажи
про блеск огня неотразимый,
смысл близости необъяснимый,
что рядом быть нам не дано
и врозь — совсем не суждено.
Прохожий, впрочем, не услышит
и не поймёт: он прозой дышит,
да и живёт он на земле,
в простом уюте и тепле.

А мы с тобой — как отраженья
друг друга в стёклах витражей,
осколков битых преломленья:
то тоньше всех, то всех острей.
Кровь ярости непримиримой,
слеза любви неудержимой...
Цветные кляксы бурных дней —
то всех светлей, то всех грязней.

КОВЧЕГ

Ты мой ковчег. Потоп стремителен,
и быть ни с чем устали зрители:
спектакль внутри идёт без действия,
всё ассорти такое пресное...

Но ты со мной — и это главное,
как сон дневной, как волны плавные,
и голос твой — моё событие,
и звук живой, и что нам — зрители?!

Среди всех пар мы пара чистая
в потоке времени неистовом.
Ты мой ковчег, моё спасение,
у птицы в клюве ветвь весенняя.

МОЛЬБЕРТ VI

Осенние сюиты

МОНОРИМ УХОДЯЩЕГО ЛЕТА

Живу ожиданием взгляда
в прищуре шуршащего сада,
кружением листопада
под ветреный шелест разлада.

Уж август меняет наряды,
спешат сентябрь кавалькады,
и влажным дождливым наядам
душа отчего-то не рада...

Живу ожиданием взгляда,
томленьем осеннего ада,
но вихрь захмелевшей менады
уносит желанья награды.

Ну что же... и пусть, и не надо!

ОСЕННИЙ БУКЕТ

Отражения осени
в лепестках хризантемы,
позолоты и россыпи
белых теней поэмы,
черновые заглавия,
умолчанье секретов,
чистый лист и так далее —
знаки бабьего лета...
Поступь вкрадчивой зрелости,
роскошь цвета и света,
и рябиновой смелости
в диссонансе букета
ярких веток, подсолнухов
и цветов запоздалых
в чаше жизни — наполненной,
сумасшедшей и шалой.

* * *

Жёлтого облака жёлтым сиянием
тихо дышали цветы,
и коронованный золотом августа
свет нисходил с высоты.

Тонким движением, лёгким дрожанием
ветер колеблет листья,
мир превращая (под взглядами Аргуса)
в царство янтарной среды.

МОТИВЫ И ВАРИАЦИИ

Л. К.

Кто страсть во мне зажёт, чтоб внутренности
выжечь, кто чёрным росчерком её обрисовал,
когда сюжета экспрессивный вычет убрал
с пути гармонии овал?! Жить и любить —
лишь на разрыв аорты, рискуя вновь
переступить черту, с тем чёртом — третьим
ли, четвёртым — последним, может быть,
сверкающим в цвету. Натянутый канат
меня ведёт сквозь пропасть — не над,
а сквозь (ошибка не моя!), и жилы рвёт
графическая осень, из лета уводящая меня.
Рождественский очаг обогрел нас лаской,
волшебною струился теплотой, трюизмом
рифмы в нереальной сказке и... фабулой,
опасно непростой. Весна обрушилась
расколотыми льдами, сомненьями и резкими

словами, и недостало мудрости с любовью
другие тексты класть у изголовья. Но царский
август, всемогущий август содрал с души
рисунок пустоты, обворожил палитрой
жарких красок несуществующей спектральной
чистоты. Пейзаж земли и неба натюрморты
преобразились в прежнюю мечту: тебя
любить, жить на разрыв аорты, без риска
вновь переступить черту, тобой одним —
не третьим, не четвёртым — единственным,
сверкающим в цвету!

ПАРТИТУРА ОСЕНИ

Партитура осени —
колорит мой с проседью,
молодое золото
серебром расколото.
Может, это прошлое,
боль моя подвздошная,
рыжее, янтарное —
отраженье парное,
улетает с листьями,
отдавая мистикой
с яркими помарками,
от шафрана жаркого —
к возвращенью тщетному
солнца неприметного,
от надежд беспочвенных —
к зимним многоточиям...

ПАДЕНИЕ ЛИСТА

Сыну Тимуру

Душа, ты падаешь, как лист,
в туманы хмари присмирелой,
взмываешь вверх, стремишься вниз
и балансируешь несмело.
Моя бессмертная душа,
боишься мрака или смерти?
Гуляют люди не спеша,
блуждают листья в круговерти,
и переменчивый сентябрь
влечёт своим непостоянством,
и ретуширует ансамбль
деревьев красочных пространство.
То контур чётко, то размыт:
янтарь микширует в багрянец,
и козырем корицы крыт
рябин доверчивый румянец.

Им вторит солнца яркий луч,
строкой карминной пришивая
к обрывкам облаков и туч
вагоны красного трамвая.
Зелёный — ржавчиной побит,
лимонный — охрой пересыпан,
и купол храма золотит
соседних лип переизбыток.
И парадоксов кавардак
в палитре города осенней
художников или бродяг
воспламеняет светотени,
гармонизируя момент:
вот жизнь, сейчас она прекрасна.
Душа! В дороге перемен
надежде вера сопричастна.

* * *

Меня не спросит
дорога в осень,
за поворотом что ждёт меня,
как насмотреться,
как обогреться
у листьев жарких её огня.
Берёз и сосен
контраст несносен:
то тихий шёпот, то болтовня.
Путём окольным —
в снежок фривольный,
там затерялась моя лыжня.
Скользящим шагом
к дорожным знакам,
мороз минуя, к живой весне.
Берёз и сосен
контраст несносен,
он чёрно-белый,
как в зимнем сне.

ОКТЯБРЬ

1

Сюита октября в зените.
Взывают ветви: нанесите
холодноватый этот плен
на карту ветра перемен!
Последних листьев виражи,
борьба за жизнь моей души,
непримиримости защита,
и Пруст прекрасный
перечитан...
Напоминает каждый день
моя тоскующая лень,
что надо укротить порывы,
поскольку нет альтернативы.
Холодноватый этот плен,
октябрь в дороге перемен,
и шум дождя в его сюите,
и мы с тобой, как листья, смыты.

Или подсказка памяти из речи
тех, кто доброжелательно забыл
мою мольбу, мою вражду, и встречи,
и музыку из дрожи наших жил?
Сметая в ком, октябрь уносит это,
антрактом размечая перерыв:
после зимы, карательницы лета,
грядёт весны цветущий рецидив.

* * *

Графические рамы веток,
и сухожилий тайный ход,
и в зеркалах морщины сеток,
переходящих реки вброд...

Каких морщин, какие реки,
какая графика ветвей
и что хранят пинакотеки
в изгибах сумрачных бровей,
на обороте всех пейзажей
и за снастями кораблей?!

Все эти спутанные мысли
и всех вопросов толкотня,
они как будто бы повисли
не надо мной — внутри меня.

И злой бедой непонимания
мы уплотняем сеть морщин,
и золото зари туманное
мы так упорно серебрим
размашистым пренебрежением,
цвет обращая в монотон.

А листья осени последние
в земле находят вечный сон.

ОКОННЫЕ ПАСТЕЛИ

Мне облик смутный грезится в тумане,
я продолжаю жить в самообмане:
пастели за окном, осенние пейзажи —
сомнительны мои ажиотажи.
Художники их ищут постоянно,
но мне — к чему вся их марихуана?!
Совет от скептика: с собою быть в согласье
и проявлять к себе самой участие,
чтоб ограничить зону беспокойства
и стать филистером — такое вот устройство,
процессор в голове, программа без тревоги,
открытые пути, циничные дороги!
А как же ясный свет?!
Горит в конце тоннеля?
Испытанный ответ,
секрет Полишинеля.
Не менее известно и другое:
сияет свет внутри. Мне дорого — второе.
Оконные пастели безучастны.
Свет — изнутри. И стыдно быть несчастной.

СОДЕРЖАНИЕ

Небо, любовь и талант	5
Вступление	9

МОЛЬБЕРТ I. STATERA

«Гранёных алмазов, цветастых орнаментов...»	13
Апокриф	14
Лето Господне	15
Звезда	16
Радуга	17
Опустевшие места	18
Бабушки	19
Призраки писем	20
Молитва	22
Библейская надпись на стене	23
«Перебиваясь нездоровьем...»	24
Лабиринт	26
В перерыве	28
После праздника	29
Statera	30
Гроза	32
Прогулки с Фростом	33
Vita brevis, ars longa	34
Carpe diem	35

СОДЕРЖАНИЕ

МОЛЬБЕРТ II. МЕЛОДИИ ВСЕЛЕННОЙ

Сирены	39
Мелодии вселенной	40
Рондо	41
Фредерик Шопен	
1. «Шопен. Задумчивые тени...»	42
2. «Грაციозная поступь ручейковых мелодий...»	44
3. «Ни дня, ни ночи без Шопена не прожить...»	45
Синяя рапсодия	46
Иоганн Себастьян Бах	48
Музыка барокко	49
Реквием	50
Зелёная пассакалья	52
Музыка красного	53
Гранат	54
Вертикали	56
Саксофон	58
Геосмин	60

МОЛЬБЕРТ III. БУНИНСКИЕ ЭПИГРАФЫ

«Кто сказками живёт, тем время безразлично...»	63
Грамматика любви	64
«Он — этот скорбный, в одежде тёмной...»	66
«Сгорая, дарим сердце ветру...»	67
«Дурману сердце понаелось...»	68
«Уйду, не дожидаясь ответа...»	70

МОЛЬБЕРТ IV. ОТРАЖЕНИЯ

«Мы включены в игру из собственных мотивов...»	73
Норвежские прогулки	74
Сон	76
Вариации на тему одного искушения	77
Палантин	78
Река	79
Пойманные птицы	80
«Мой демон изменчивый, сердце моё...»	81
Прогнозы и неврозы	82
Солнце любви	84
Солнечный удар	85
Кристалл	86
Странствия	88
«За штопкой сердца его дырявишь...»	89
Блажь	90
Большая птица	92
«Злой, мстительный, самовлюблённый...»	93
Из Пастернака. Вариации	
1. «Жизнь вернулась так же беспричинно...»	94
2. «Ты, ангел залгавшийся, сразу бы, сразу...»	95
«И жар души, растраченный в пустыне...»	96
Отречение	98
Отражения	100
На перепутье	102

МОЛЬБЕРТ V. ПРЕЛОМЛЕНИЯ

Королева Изабо	105
Загадки Александра Осмёркина	196
День яблока	107
Душа розы	109
Дорожные мотивы	110
Реквием по Эдгару По	112
Аннабель	114
Сонет к Деборе Турбевиль	116
«Что-то знал ты о женщине...»	117
Густав Климт. Затерянные рифмы	118
Казахская муза	120
«Ах, этот кофе от Аханова...»	122
Рембрандт	123
Сумбурные параллели	124
Театр Сомова	126
Рассел Миллс	128
Анри де Тулуз-Лотрек	
1. «Он обессмертил ночь Парижа...»	130
2. «Какая уверенность линии...»	132
Эдгар Дега	134
Под зонтом Марии Башкирцевой	135
Цвет женщины	136
Преломления	138
Ковчег	140

МОЛЬБЕРТ VI. ОСЕННИЕ СЮИТЫ

Монорим уходящего лета	143
Осенний букет	144
«Жёлтого облака жёлтым сиянием...»	145
Мотивы и вариации	146
Струйка дыма	148
Партитура осени	149
Падение листа	150
«Меня не спросит...»	152
О к т я б р ь	
1. «Сюита октября в зените...»	153
2. «Октябрь ещё не сбросил позолоты...»	154
«Графические рамы веток...»	156
Оконные пастели	158

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ
СЕРИЯ «ПОЭЗИЯ XXI ВЕКА»

ГАЛИНА ГАВРИЛОВНА ГАНЕЕВА

РАЗМЫТЫЕ АКВАРЕЛИ

Редактор *Эдуард Побужанский*
Художник *Наталья Шунькова-Елесина*
Дизайн и вёрстка *Дмитрий Климович*
Корректор *Ольга Форофонова*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры.
Заказ № 388. Подписано в печать 28.01.2019.
Формат 130x165 мм. Печать цифровая.
Тираж 100 экз.

127247, г. Москва, Дмитровское шоссе, д. 100, стр. 2,
тел.: +7 (495) 484-34-74, +7 (926) 187-59-89.

IZDAT.SU

ГАЛИНА ГАНЕЕВА родилась и выросла на Алтае, образование получила в одном из гуманитарных вузов Новосибирска, стажировалась в Кемерово, Москве и Санкт-Петербурге. Преподавала литературу и мировую художественную культуру в школе и театральном училище, затем перешла на литературную работу в драматический театр, чем занимается и в настоящее время. Живёт в Кузбассе. В книгу «Размытые акварели» вошли стихи разных лет.

